

ЛЕГЕНДЫ ДЕТСТВА

Диана Балыко

(почти документальная пьеса в трех новеллах)

Действующие лица:

ДИТА ВЗРОСЛАЯ

АНДРЕЙ – муж Диты

ДИТА МАЛЕНЬКАЯ

МАМА

ПАПА

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА ДЕМЕНТЬЕВА – учительница английского языка

ТАМАРА ВАСИЛЬЕВНА – классная

ОЛЬКА – подружка Диты маленькой

Часть I.

Почему я не люблю свою бабушку

Действующие лица:

ДИТА ВЗР.

ДИТА М.

ДИТА ВЗР.: Все началось с того, что мой отец женился на женщине, которая не нравилась его родителям, вернее матери, потому что ко времени женитьбы отец, то бишь мой дедушка, уже умер.

ДИТА М.: Чем не понравилась моя мама?

ДИТА ВЗР.: Черт его знает. Моя прекрасная, милая, мудрая и тактичная мамочка, обожаемая моя, возможно, показалась слишком старой для моего отца (всего-то на два года старше!) и слишком худой (родная бабушкина дочка была гораздо полнее), а, может, не так говорила, одевалась, думала. Ведь очень часто матери хотят чего-то фантастического для своих сыновей, даже сами не знают чего, но всегда недовольны реальностью. Короче, мама моя пришлась не ко двору.

ДИТА М.: Так бывает не только с невестками.

ДИТА ВЗР.: Иногда мы на гормональном уровне не воспринимаем каких-то людей, нас раздражает их походка, запах, голос, да мало ли еще что.

Именно с того дня, когда мой отец познакомил свою молодую жену с родственниками, возникла какая-то стена, и незаметно для самого себя мой папа оказался, нет, не между двух огней, он оказался на стороне моей матери. А потом возникли две маленькие политические партии внуков, которые боролись не за власть, а за благосклонность бабушки, за ее любовь. Скорее одна партия априори, по праву рождения была наделена этой любовью, а второй приходилось за нее бороться. К первой партии относились дети дочери, ко второй – дети сына. Только они (я с братом) назывались детьми сына, а считались детьми невестки, даже внешнее и внутреннее сходство с отцом не принесло нам желанной милости.

ДИТА М.: Говорят, бабушки любят внуков даже больше, чем родители...

ДИТА ВЗР.: Внуков балуют, обожают, умиляются их проделкам. Моя бабушка точно такая же. Только не по отношению ко мне. Мои проделки всегда карались строгим взглядом и критическим: «Вот мои внуки...»(в виду имелись дети папиной сестры).

ДИТА М.: Бабушка, а я чья же?

ДИТА ВЗР.: ...и детское сердечко начинало лихорадочно биться в трепетном ожидании любви и ласки. «Ты, ты – мамина дочка!» -- поджала губы, как отрезала, как приговор подписала. Но я гордилась, гордилась быть маминой и папиной дочкой и очень завидовала тем, кто еще имел счастье быть бабушкиным внуком. Только любить не заставишь.

ДИТА М.: Мы приезжали к бабушке каждый год, на неделю, отдавая сыновий папин долг. Никто не просил меня рассказать стихотворение, примерить обновку, никто не замерял мой рост, чтобы радостно носится по дому и удивляться тому, что за год я подросла на целых три сантиметра.

ДИТА ВЗР.: Для бабушки меня просто не существовало. Зато было два дверных косяка, на которых ежегодно делали засечки для других внуков – Оли и Антона, измеряя их рост. Оле в косы заплетались ленты бабушкиными руками, Антону забинтовывались разбитые коленки, для них пытели в духовке сладкие булочки. Они прижимались к бабушке, и она целовала их, гладила светлые кудри, мои темные впрочем тоже, иногда, в день приезда и отъезда, но совсем по-другому. Или мне только так казалось?..

ДИТА М.: Но однажды мне все-таки пришлось остаться у бабушки без родителей. Мне было пять лет. У моей мамы как раз умерла мать. И она решила, что похороны не самое подходящее развлечение для пятилетней девочки, поэтому меня на месяц оставили у бабушки. А родители полетели из Беларуси в Новосибирск.

ДИТА ВЗР.: Все элементы сказки и традиционные классические каноны были соблюдены: лето, дом в деревне, банька, свиньи, бабушка и семья моей тети, конечно, с любимыми внуками.

Самым страшным испытанием оказалось – одиночество. Для детской психики этот удар был, наверное, страшнее похорон. Рядом вроде бы знакомые, даже родные люди, но они к тебе равнодушнее, чем к соседке, корове, плюшевому медведю. Гарсиа Маркес со своими «Ста годами одиночества» просто отдыхает по сравнению с той неестественной естественностью отношения моей бабушки ко мне. Любимая дочка, облаканная вниманием и заботой родителей, вдруг оказалась в вакууме, в совершеннейшей пустоте, в абсолютном дефиците общения. Никто не спрашивал, как мне спалось и что я хочу на завтрак. Меня силком тащили в баню и называли «барыней» за то, что я стеснялась раздеться и мыться рядом с мужчинами и мальчиками. Меня не брали на речку и в парк развлечений. Мне говорили: «Вдруг ты утонешь или упадешь с карусели? Что мы тогда скажем твоим родителям?»

Они уезжали, а я ходила по двору и кричала в небо.

ДИТА М.: Мама, забери меня отсюда!

ДИТА ВЗР.: Но все тайное становится явным. Соседи в деревне стали осуждать мою бабушку за плохое обращение с ребенком: только в деревне могли решить, что мне плохо у бабушки, потому что она меня, маленькую, заставляет работать: посуду мыть, пол, свиней кормить, полоть грядки под солнцем. Ни у кого даже мысли не возникло, что я просто одинока, что самое страшное испытание – равнодушие. За спиной бабушки стали сплетничать, а потом и говорить в глаза о том, как я воюю во дворе, когда нет никого дома. Нет, меня не наказали, не поставили в угол или коленками на горох, как практиковали это бабушкины подруги. Она просто взяла меня за руку и укоризненно спросила: «Зачем ты меня позоришь перед соседями? Разве я бью тебя или заставляю работать? Я *своих* внуков чаще наказываю, чем тебя. Я тебе, «барыне», и слова не скажи! Мамина дочка – одним словом. Что с тебя возьмешь?» -- и махнула рукой. А у меня из глаз огромные слезы, я ими захлебываюсь, и не могу сказать, что мне всего-то капелька любви: на речку вместе поехать, по душам поговорить, сказку на ночь, любимый суп на обед.

ДИТА М.: А потом был праздник. Уж и не помню какой. Пришли гости. Готовились целый день: бабушка и ее дочка у плиты чертыхались, дети играли во дворе. Накрыли на стол, усадили всех, а про меня просто забыли, не специально, конечно, случайно. Не досчитались одного стула, одной тарелки. Моей. Я забила в угол и не подошла, чтобы попроситься за стол.

ДИТА ВЗР.: Ароматно пахло, звенели бокалы, захмелевшие гости уже пошли танцевать, все мои тихие слезки выплакались, я поднялась и незаметно вышла из дома.

ДИТА М.: Я решила идти к маме и папе, людям, которым я нужна.

ДИТА ВЗР.: На улице темнело, и было довольно прохладно. Из-за забора поглядывали соседи, как сгорбленные, судорожно подрагивающие детские плечики подались в сторону асфальтовой дороги, которая вела в город. Никто не остановил меня. Они наблюдали за развитием маленькой драмы, будто смотрели кино.

ДИТА М.: Я шла к маме и папе, я не села на автобус, ехавший в город, ведь кроме моего сердечка никто не знал дорогу к родителям, а я была уверена, что знаю, что обязательно дойду. Тогда я впервые поклялась себе, что хорошо буду учиться в школе, что вырасту такой, чтобы все могли мною гордиться, и бабушка тоже. В то лето это еще было важно для меня.

ДИТА ВЗР.: Меня хватились часа через полтора – два. Наверное, гости созрели, чтобы познакомиться с недостающей внучкой: пьяные тетки любят тискать детей. Тут-то и оказалось, что меня нет. Бросились искать. Соседка сказала, что видела меня уходящей в сторону города. Заматерились по-деревенски. Отправили мужиков за мной вдогонку на велосипедах. Меня нашли за пару остановок, плачущую и озябшую. Было уже довольно темно.

ДИТА М.: Так я окончательно «опозорила бабушку перед порядочными людьми».

ДИТА ВЗР.: На следующий день моей матери персонально была отправлена телеграмма: «Валя забери дочь убегает нет сил врагу не пожелаешь». Родители рванули ко мне. Ребенок был спасен.

ДИТА М.: Больше я не оставалась у бабушки.

ДИТА ВЗР.: ...да и она не проявляла инициативы выразить свою заботу. Зато у меня развился комплекс. Когда мои одноклассники спрашивали, почему я не езжу в гости к бабушке, не провожу у нее каникулы, я начинала ужасно смущаться, говорить какую-то несурезицу о том, что бабушка занята, работает. «И моя работает», -- слышала я недоуменное в ответ.

А потом, лет в четырнадцать, я вдруг перестала комплексовать по этому поводу, приняла это просто, как данность. Ведь обворованный не должен стесняться того, что кто-то вытащил из его сумки кошелек или умыкнул зонтик. Также и мне нечего было стыдиться.

Много лет уже я не была у бабушки в гостях. Но она каждый год приезжает в день рождения моего отца к нам на неделю и отбывает добровольное наказание, которое двадцать пять лет назад наложила на себя тем, что невзлюбила мою мать. Громко целует всех нас, вздыхает, разговаривает о *своих* внуках. Она вынуждена кружить по чужому ей дому неделю, смотреть сериалы целыми днями, гулять вокруг подъезда, ни с кем не говорить по душам. А в глазах ее такая вселенская тоска, что мне становится жутко. Но она должна отбыть этот недельный срок, «чтобы добрые люди не осудили».

Я уже давно также равнодушна к ней, как и она ко мне: больше не хочу заслужить ее любовь. Хотя все еще, наверное, хочу ее поразить своими успехами (ей наплевать) и дорогими подарками («Как же я рассчитаюсь с тобой внученька?» -- «Ну что ты, бабушка, мы же не чужие!»).

Она вздыхает легко, лишь когда поезд срывается с перрона, чтобы нести ее в родные Пенаты, где она расскажет соседям, что неделю гостила у сына, что у него все прекрасно: чудесные внуки, вот только жена... и вздохнет... Она покажет подарки: часы, платье, пуховая шаль. И вновь целый год она будет свободна до следующего добровольного наказания.

Часть II.

Самое страшное – самое счастливое

Действующие лица:

АНДРЕЙ
ДИТА ВЗР.

Место действия – квартира молодой семейной пары. Современно, просто, со вкусом.

АНДРЕЙ: И не надо меня лечить!

ДИТА: Не кипятись, послушай...

АНДРЕЙ: И не надо меня лечить!

ДИТА: Ты же знаешь, что близких я не лечу. Вблизи большого не видать...

АНДРЕЙ: Упражняйся в своем кабинете. Я тебе – не пациент.

ДИТА: Я просто хочу поговорить по-дружески.

АНДРЕЙ: Эта беседа ни к чему не приведет.

ДИТА: Ты, в конце концов, мне муж или посторонний человек?

АНДРЕЙ: Ты понимаешь хоть, как смешно будет выглядеть юрист на тупом телевизионном шоу, где обсуждают свободу гомосексуализма?

ДИТА: Глупости!

АНДРЕЙ: И что мне спрашивать у тебя: как там наши?

ДИТА: Выскажись о том, что каждому человеку необходимо понять и принять то, что истинная любовь выше половых различий, и никто не имеет права вторгаться в частную жизнь других людей. С юридической точки зрения частная жизнь – лично дело каждого человека. Любой из нас имеет право на любовь и на свое собственное понимание и выражение этого чувства.

АНДРЕЙ: Вот сама и выскажись!

ДИТА: Я буду рассматривать медицинскую сторону вопроса. ДНК, хромосомы, 4 % общества...

АНДРЕЙ: Ты хочешь, чтобы педики навязывали нам свою ориентацию прямо с телеэкрана?

ДИТА: Ты чокнутый! Это всякие гетеро навязывают нам свою ориентацию! Разве не тебе говорила мама, что ты должен полюбить девочку, жениться на ней и создать пресловутую ячейку?

АНДРЕЙ: А что в этом плохого?

ДИТА: А то, что тебе не оставили выбора, собственного права на любовь!

АНДРЕЙ: Да пошла ты со своим правом!

ДИТА: Я никогда не думала, что ты такой гомофоб!

АНДРЕЙ: Ну, так подумай!

ДИТА: Ты же образованный человек!

АНДРЕЙ: И ты вроде не дура!

ДИТА: Но мне нужна поддержка на этом шоу. Я выхожу на другой уровень. У меня появится другая клиентура. Я теперь не просто психолог. Я телевизионный психоаналитик-консультант!

АНДРЕЙ: И, пожалуйста! Кто против?

ДИТА: Но я боюсь телекамер. Ты будешь сидеть в студии и создашь мне психологический комфорт.

АНДРЕЙ: Как ты можешь лечить людей, когда сама боишься телекамер?

ДИТА: Я работаю над собой.

АНДРЕЙ: Вот и тренируйся. Я не пойду защищать педиков на телевидение!

ДИТА: Какой ты чурбан! Как я могла выйти за тебя замуж? Гомофобия, ксенофобия, неприятие другого, отторжение «инакости» - это детские страхи, незрелость человека. Неужели ты еще не вырос?

АНДРЕЙ: Иди к черту!

ДИТА: А-а, я поняла! У тебя был неудачный гомосексуальный опыт! Или... даже... изнасилование...

АНДРЕЙ: Да это у тебя был ОПЫТ!

ДИТА: Господи, да он был у всех девочек! А вы как будто пискьями не мерялись?

АНДРЕЙ: Иди к черту!

ДИТА: Хочешь поговорить об этом?

АНДРЕЙ: Не хочу!

ДИТА: Ну-ка, признавайся!

АНДРЕЙ: Иди к черту! – я сказал.

ДИТА: В четыре года я полюбила мальчика в детском саду. Наши кровати стояли рядом, и на тихом часу мы тихонько лежали, сцепившись руками под одеялом. Однажды воспитательница заметила шорох и то, как одно одеяло медленно наползает на другое. Она подняла нас из постели и била по рукам. До конца тихого часа мы стояли в углу. Мне было ужасно стыдно. И я запомнила, что любовь – это стыд. Это нужно скрывать. Потом мы с этим мальчиком шарахались друг от друга, как чумные. И целую неделю у меня болело где-то внутри живота, пока, наконец, на улице (а была зима) я не прилипла языком к качели. Язык бесцеремонно отодрала та самая воспитательница, шла кровь, я плакала и меня снова наказали – оставили на время всей прогулки стоять в беседке. Я замерзла и заболела воспалением легких. Мама приняла радикальное решение. Она уволилась с работы и забрала меня из детского сада. До самой школы мы сидели с ней дома. Ко мне приходил соседский мальчишка Вовка Ткаченко. Деловито съедал банку сгущенки. Потом тащил меня в детскую и устраивал бартер «Найди десять отличий». Мы изучали друг друга, пока однажды мама тихо не вошла в комнату. Она не ругалась, просто больше нас с Вовкой наедине не оставляли.

АНДРЕЙ: Ну?

ДИТА: А в первом классе на осенних каникулах мы поехали к Ольке в деревню. Играли в доктора. Я ее даже чуть не дефлорировала.

АНДРЕЙ: И?

ДИТА: И это было весело. И немного щекотало нервы: вдруг бабушка зайдет. А в десятом классе, когда половина моих одноклассниц уже сделали по аборт, я две недели спала с Танькой – соседкой по парте, когда мои родители уехали в отпуск. Мы готовили жрать, мусорили в квартире, смотрели взятую напрокат порнуху из видеосалона и обучались премудростям кунилингуса. «Жеребцы Екатерины» – был мой любимый фильм. Немецкий. С плохим переводом и ужасным качеством. Но сцены, где жареными куриными окорочками удовлетворяли фрейлин, меня возбуждали до дрожи в подколенных ямочках. А потом в моей жизни появился Димка... А потом ты...

АНДРЕЙ: Это было в интернате. Для слепых и слабовидящих. Руслик тоже был незрячим. Нам было по четырнадцать. Мы зашились в спальном корпусе и учились целоваться. Нас засекла классная. И потащила к директору. На открытом классном часу нас обвиняли в аморальном поведении, содомии и всех смертных грехах. Вызвали родителей. Предки Руслика закатили скандал. Мол, педагоги ломают психику ребенку. Руслика забрали из школы. Другого интерната для слепых в нашем крае не было и, он даже не получил среднее образование. Теперь уж и не знаю, что с ним стало. А меня порол отец, единственный раз в жизни, в четырнадцать лет. Порол и говорил: ублюдок, неудачник, мало того, что слепой, так еще и педик. Полгода он звал меня слепым педиком, пока мать не закатила ему истерику и не пообещала подать на развод.

ДИТА: Бедный, бедный, маленький мальчик...

АНДРЕЙ: А еще года полтора я не мог нормально общаться с одноклассниками, я все ждал насмешек, как удара в спину. Но никто из моих друзей ни разу до сих пор не напомнил мне этот случай. А потом я все время хотел доказать отцу, что я не неудачник, что мной можно гордиться. Я получил медаль, поступил на юрфак, освоил десяток пеших маршрутов по городу и этот чертов «джос» на компьютере, поехал на стажировку в Голландию, как лучший студент. Получил премию мэра. Я встречался только со зрячими девчонками. Я женился на тебе, черт возьми. И я до сих пор жду, когда он скажет мне: я горжусь тобой, сынок!

ДИТА: Ну, хочешь, не ходи со мной на это дурацкое ток-шоу. Давай приготовим ужин...

АНДРЕЙ: Я подумаю, дорогая...

ДИТА: Я люблю тебя, малыш...

Часть III.

Урок английского

Действующие лица:

ДИТА ВЗРОСЛАЯ

ДИТА МАЛЕНЬКАЯ

МАМА

ПАПА

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА ДЕМЕНТЬЕВА – учительница английского языка

ТАМАРА ВАСИЛЬЕВНА – классная

ОЛЬКА – подруга Диты

ДИТА ВЗР.: Ну, как же ее звали? Черт! Так странно: наше противостояние длилось несколько лет, и одно время было самым значимым событием в моей жизни... А теперь я даже не могу вспомнить, как ее звали. Хотя хорошо помню ее голос, светлые густые локоны, шляпы с широкими полями и пряный запах ее духов. Ах, да, еще и фамилию. Ее фамилия была Дементьева.

Наше знакомство началось не лучшим образом. 15 сентября, в тот самый год, когда я училась в третьем классе, у моей мамы наступил очередной день рождения, а я как примерная дочка готовила ей подарки. Я сидела на корточках в школьном огороде и срезала ножницами астры. Охапка уже была вполне приличной, как вдруг из окна соседнего дома, с четвертого этажа высунулась премилая женская головка и заорала.

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА: Девочка, что это Вы тут делаете? Что это Вы цветы школьные рвете? А ну, положите на место и бегом отсюда, а не то я узнаю, из какого вы класса и все расскажу директору.

ДИТА М.: Что расскажите? Что я тут на школьной практике все лето мозоли натирала? Это наша грядка, 3-го «В». Я эти цветы сажала, я их и буду вы-ры-вать. А директор тут ни при чем. Он лично ничего здесь не полон и не поливал.

ДИТА ВЗР.: Головка в окне задохнулась от возмущения и зашипела.

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА: Вы еще меня вспомните, девочка...

ДИТА М., продолжая нарезать астры: Не сомневаюсь.

Потом сгребла охапку домой и гордо прошествовала из школьного огорода. Я топала к подъезду, размышляя о том, как красиво я «обломала» голову из окна. Было эффектно и полностью соответствовало моим убеждениям о справедливости, силе духа и отстаиванию собственного мнения. Разговоры на эти темы постоянно велись в нашем доме.

МАМА: Лучше умереть стоя, чем жить на коленях.

ДИТА ВЗР.: Так цитировала мама Мусу Джалиля. Папа тоже не отставал. А в одной книжке для подростков (ух, как радовались родители, что дочка читает не по возрасту взрослые книги) я нашла, что, имея собственные убеждения о том, что такое хорошо и что такое плохо, нужно стоять на своем и не подчиняться взрослым, если их мнение порядком отличается. Рвать цветы для мамы в школьном огороде было однозначно хорошо и сомнению не подлежало.

* * *

ДИТА ВЗР.: Этот эпизод практически стерся из памяти. Его затмила череда важнейших событий моей школьной жизни: прощание с первой учительницей, переход из

начальной в среднюю школу, новая классная, новые предметы. Самым притягательным среди них был английский язык и наша добрая преподавательница – дородная полька, которая слегла на месяц в больницу после первой четверти. Нам поставили замену. На уверенных сбитых ногах в класс проществовала та самая премилая женская голова с четвертого этажа. Она всегда входила победоносно, величественно несла свое упругое нерожавшее тело, густые локоны блондинистых волос и самые модные в школе шмотки. Женщины ей завидовали, мужчины восхищались. Еще бы – жена лучшего кардиолога нашего провинциального полесского городка, Пинска. Дама, привыкшая убивать взглядом и говорить таким шепотом, что стекла дрожали. Дама, привыкшая любить так, что во рту становилось сладко-сладко.

Она входила в класс, зная, что встретит в нем меня. А вот я была не готова. Тогда я даже не знала, что она – англичанка, и почти не помнила нашу огородную перепалку. А вот она, Татьяна Владимировна, помнила ее чудесно. Она положила журнал на учительский стол, обнаружила меня глазами и просверлила таким взглядом, что я невольно попятилась назад и... перевернула цветок за спиной. Он грохнулся на пол, керамический горшок раскололся, земля рассыпалась.

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА: А сейчас, девочка, вы возьмете совок и веник, и уберете все что натворила одна глупая неосторожная корова.

ДИТА ВЗР.: Она, словно монеты, чеканила слова. Каждое на вес золота. Цельно. С пробой.

Мои убеждения были в одночасье скомканы ее напором:

ДИТА М.: Только не плакать, только не плакать...

ДИТА ВЗР.: Так шептала я себе, собирая веником землю в совок. Но нестерпимо краснели уши от обиды и стыда.

Она вела урок, а я убирала осколки бегонии. Я закончила и тихо села на место, стараясь не столкнуться с ней взглядом. Татьяна Владимировна подошла, бросила взгляд на пол и, указуя перстом на место преступления, отчеканила.

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА: Плохо. Встаньте, девочка, и уберите здесь, как следует.

ДИТА ВЗР.: Тогда я еще не знала, что своих любимчиков она называет нежно и протяжно уменьшительно ласкательно по именам: Леночка, Мишенька, Володенька, Андрюшечка, Аннушка... А нелюбимчиков просто – девочка или мальчик и подчеркнуто на Вы. Но это обнаружилось прямо на том же уроке, когда я – девочка -- сгребала мусор в урну, пока Витечка читал текст, а Дашенька рассказывала стихотворение.

На следующем уроке я была крайне осторожна, и не одно растение не пострадало. Мы принесли в школу, нарисованные дома картинки к новым словам.

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА, брезгливо вертя в руках рисунок: What is this?

ДИТА М. тихо: Ice-cream...

ДИТА ВЗР.: Я и почувствовала, как горячие волны крови омывают живот, подкатываются к самому сердцу.

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА: Нет, это не «ice-cream», это какая-то безвкусная мазня. К следующему уроку Вы, девочка, должны нарисовать новые картинки.

ДИТА ВЗР.: Черт возьми, рисовала я отменно. Мне и только мне всегда поручали делать школьные стенгазеты, мои рисунки брали на все школьные выставки. «Честное слово, я не хотела войны», -- шептала я, прислушиваясь к горячим волнам около сердца.

На следующем уроке англичанка осведомилась...

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА: Где Ваши новые картинки?

ДИТА ВЗР.: Я протянула ей рисунки.

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА: Вы что, держите меня за дуру? Это старые картинки. Я видела их на прошлом уроке!

ДИТА М.: Вам изменяет память. Они новые.

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА: Не дерзите мне, девочка. Не с Вашим произношением хамить. Не с Вашей техникой чтения умничать. Ступайте на место и уткнитесь в учебник.

ДИТА ВЗР.: Я покорно села за стол. Наверное, многим одноклассникам было приятно, как отличницу и любимицу учителей, зубрилку отчитывает эта англичанка. Они прятали улыбки.

* * *

МАМА: Что случилось?

ДИТА М.: Все то же. Мы не ладим.

МАМА: Хочешь, я схожу в школу, поговорю с ней или расскажу об этом вашей классной – Тамаре?

ДИТА М.: Не хочу. Я сама с ней справлюсь. Ты же не сможешь быть рядом со мной всю жизнь. Когда-то надо научиться постоять за себя самостоятельно.

ПАПА: И как ты собираешься с ней бороться.

ДИТА М.: Не знаю. Может быть, буду ее игнорировать, не замечать, сделаю вид, что ее для меня не существует. А, может быть, буду дерзить ей... Не знаю.

ПАПА: Дерзить не надо. Ты же не можешь опуститься до ее уровня. Ты же – умный человек. А вот не замечать – хороший ход, неожиданный, по крайней мере, для нее. Ты можешь с ней даже не здороваться. Ведь ее для тебя просто не существует.

* * *

ДИТА ВЗР.: Вскоре замена закончилась, наша англичанка вышла из больницы, и не замечать Татьяну Владимировну стало легче. Только вот я не могла не замечать ее, не замечая. Мне было очень важно, чтобы она чувствовала мое к ней вселенское равнодушие, я хотела, чтобы это «незамечание» глядело на нее из всех щелей, снилось ей по ночам, мучило ее.

ДИТА М.: Я хотела, чтобы она задавалась вопросом, почему я не замечаю ее, как смею...

И тогда я стала нарочно попадаться ей на глаза, шла по школьному коридору, задевая ее то локтем, то сумкой, ведь ее для меня больше не существовало, просто не было. Я задевала пустоту. И, конечно, я не здоровалась с ней. А зачем? Я ведь – большая девочка и не верю в призраков. И, наверняка, это ей было странно.

ДИТА ВЗР.: Ведь все в школе расшаркивались перед женой известного кардиолога: мало ли у кого сердце прихватит. С такой женщиной если не дружить, то просто жизненно необходимо поддерживать нейтралитет.

ДИТА М.: Преследовать англичанку «незамечанием» на самом деле было довольно утомительным делом. И вскоре оно мне наскучило. Казалось, инцидент изжил сам себя. И я готова была влюбиться в Витьку Жука или Олежку Гудовича, Генку Крыльчука или Димку Диковицкого. К тому же Сережка Ярошевич, с которым мы уже два года сидели за одной партой, кажется, стал оказывать мне недвусмысленные знаки внимания. Сердцу просто невыносимо хотелось переключиться на любовные переживания.

* * *

ДИТА ВЗР.: Англичанке не любилось, и, видимо, не спалось. Ей тоже наскучило это смешное противостояние маленькой вредной девчонки и большой и красивой учительницы. Пора было поставить жирную точку. Но она никак не ставилась. Для этой жирной точки не хватало одного – проучить меня как следует.

ДИТА М.: Только вот чем меня задеть, как достать? Драмкружок, кружок по фото, мне еще и петь охота...

ДИТА ВЗР.: Короче, пионерка, зубрилка, отличница, любимица учителей, юное дарование – актриса и поэтесса, староста класса, и сердце не болит. Черт! Сплошные проколы по всем статьям.

ДИТА М.: Наша классная – русица Тамара Васильевна – ужасно комплексовала по поводу своего заношенного гардероба и всегда пускала слюни на широкополые шляпы Татьяны Владимировны. Вышедшие из моды платья были самой большой и тайной болью ее души. Этим и решила воспользоваться англичанка.

Однажды в приватной беседе она сказала моей классной, как слышала, что я с какими-то девчонками-школьницами обсуждала убогие туалеты нашей русицы, мол, смеялись мы ехидно, подсчитывая дырочки на ее кофтах.

ДИТА ВЗР.: Это был удар ниже пояса. Меткий, отточенный. Тамара Васильевна тут же в слезах позвонила моей матери.

ТАМАРА ВАСИЛЬЕВНА: Вы представляете, она смеялась, с девочками. Боже, как это грязно. А я... Я так ее любила... Она же – надежда класса, такой одухотворенный ребенок, лапочка, и тут... Вы же знаете, какое у меня тяжелое положение. Ребенок болеет, кооператив нужно строить. Тут не до платьев новых... А она... Мне так больно было все это слышать... Господи, чувствую себя грязной и обманутой...

МАМА: Ну, что Вы, Тамара Васильевна, успокойтесь. Разве ребенок мог обсуждать Ваши туалеты? Это нелепое недоразумение. Я понимаю, разговоры о мальчиках, о собственных нарядах, в конце концов. Но про одежду учителей они не говорят – это уж точно. По крайней мере, моя дочь этим совсем не озабочена, я ручаюсь...

ДИТА ВЗР.: Как бы там ни было, отношения с классной у меня испортились. Каждый раз, когда она видела меня, то вспоминала этот неприятный шепот англичанки, потом свои слезы в телефонную трубку в разговоре с моей матерью. «Какой стыд», -- думала Тамара. И ей уже было неважно обсуждала я ее одежду с девочками или нет. Но неприятный осадок остался. Он витал над моими тетрадками, сочинениями и диктантами, над моей партой и классными часами. Он поселился даже в ее платяном шкафу с одеждой.

ДИТА М.: Англичанка добилась своего. Она поставила жирную точку.

* * *

ДИТА ВЗР.: Я захлебнулась от возмущения, когда мама робко спросила меня, не обсуждали ли мы с девочками Тамару, ее внешность, одежду.

ДИТА М.: Мама, она – не женщина для меня, а педагог, училка. Мне глубоко фиолетово, какие она носит шмотки, потому что они никакие.

МАМА: Ну, вот...

ДИТА М.: Ни каких «ну, вот»! Я НЕ СПЛЕТНИЧАЛА насчет русицы. Мне не до нее.

ДИТА ВЗР.: Отрезала я и подумала: «Ну, сука, ты подписала себе смертный приговор». Мысли мои напрямую касались англичанки.

Столкновения «незамечания» продолжались. Только теперь я знала, что когда-нибудь у нас должен будет состояться разговор. Нужно было просто выбрать время и спровоцировать ее на первую реплику. Ведь я сама не могла первой заговорить с призраком. Свой монолог я написала на бумажке, думая о том, что он должен быть коротким и емким. Каждая фраза – афоризм, да такой, чтобы бил по щекам, наотмашь. Отрепетировала перед зеркалом. Вычеркнула лишние слова. Монолог получился ядреным. Учила наизусть. Снова репетировала. И ждала, ждала подходящего момента, приближая его каждым столкновением в коридоре, каждым «нездорованьем», каждым надрывно-заливистым приступом смеха в ее присутствии.

ДИТА М.: Англичанка не клевала. Так прошло два года. Я переписывала свой монолог, снова учила его, снова репетировала. Я знала, что мой час придет.

* * *

ДИТА ВЗР.: Мой отец был военным. Служить в провинциальном Пинске он не хотел. И уже много лет добивался своего перевода в столицу. И вот удача улыбнулась ему, когда я училась в седьмом классе. Закончилась третья четверть, наступили весенние каникулы. Родители паковали вещи, забрали мои документы из школы... Наше дружное семейство радостно готовилось к переезду в Минск.

ДИТА М.: В последнюю неделю все словно сдвинулось с мертвой точки. Или это я сорвалась с катушек? Хотелось все успеть, все попробовать. Первая дискотека, после которой Сережка Ярошевич вызвался меня проводить. Первый поцелуй с этим самым Сережкой. Долгий... В щеку...

Прогулки допоздна с моими любимыми подружками, разговоры о нашем, о девичьем.

ДИТА ВЗР.: Однажды, прогуливаясь с Олькой вокруг дома, я вдруг увидела англичанку, которая шла к нам навстречу. Я сильно сжала Олькину руку.

ДИТА М.: Не бойся, главное -- не сворачивай с тротуара. Сейчас мы должны звонко-звонко, весело-весело смеяться ей в лицо. Постараемся пройти сквозь нее, как будто ее просто нет. Это легко.

ОЛЬКА: Зачем?

ДИТА М.: Она не вынесет нашего смеха. Я это знаю...

ОЛЬКА: И что?

ДИТА М.: Увидишь.

ОЛЬКА ноет: Тебе хорошо экспериментировать, ты потом уедешь в Минск, а мне в этой школе еще учиться.

ДИТА М.: Не дрейфь. Ей до тебя дела нет. Ей мой смех не вынести.

ДИТА ВЗР.: И я засмеялась, Ольга, кажется, тоже. Мы прошли сквозь Дементьеву, не смотря на то, что даже не задели ее, она сама уступила нам дорогу. На мгновение мне показалось, что все кончено, я уеду и мы просто больше никогда не встретимся, а решающей битвы не будет, солдаты вернуться к своим родным, обнимут детей, поцелуют жен... Как вдруг за спиной раздался знакомый голос.

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА: Девочка, остановитесь!

ДИТА ВЗР.: Я резко развернулась: «Господи, Господи, дождалась»!

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА: Вас что родители не научили здороваться и старших уважать?

ДИТА ВЗР.: «Умничка, как ты все правильно начала. Спасибо тебе, миленькая», - мне просто хотелось расцеловать англичанку. Лучшего начала для битвы титанов она и придумать не могла, подыграла мне по полной программе.

ДИТА М.: Здороваться – учили. А еще учили НЕ здороваться с теми, кого я не уважаю. А Вас я не могу уважать или не уважать, вас для меня просто нет. С каждым своими низким поступком вы становились все меньше и меньше, пока не исчезли совсем. Вас больше не существует. Вы – мираж.

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА: Ах, ты – гадина!

ДИТА ВЗР.: Впервые англичанка назвала меня на «ты».

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА: Я пойду к директору, возьму твои документы и напишу такую характеристику, что тебя в Минске ни в одну школу не возьмут!

ДИТА ВЗР.: «Она следит за моими миграциями. Значит ей не все равно,» -- пронеслось в моей голове. И это радовало.

ДИТА М.: Жаль, что документы уже у меня. А то бы я почитала Вашу характеристику. (Ольке) А че это я с пустотой разговариваю? Странно... Пойдем отсюда. Как-то гадко на улице.

ДИТА ВЗР.: Развернула мою в конец очумевшую одноклассницу и, не обращая внимания на всхлипывающие крики англичанки, размеренно пошла вдоль дома, подтягивая за собой Ольку. На душе пели птицы. Просто орали от счастья. Я ведь шла к этому монологу, к этой встрече целую жизнь – два школьных года. Я умела ждать, я дождалась. Я была сильной. Очень-очень. Я знала, что папа похлопает меня по плечу и улыбнется.

ПАПА: Молодец – мужчина!

ДИТА ВЗР.: Я знала, что зардеюсь от этой похвалы и порывисто обниму его. И только до сих пор я не знаю, помнит ли англичанка, как меня зовут...

ДИТА М.: После каникул мою подружку Ольку вызвали к директору. Там сидела заплаканная англичанка. Ольку заставили извиниться перед Татьяной Владимировной за то, что она не остановила меня, когда я хамила педагогу.

ДИТА ВЗР.: На следующий день Олькина мама забрала документы дочери из этой школы и перевела ее в другую.

(Занавес)

1984 – 13.12.2006 г.

Диана Балыко
www.dia-blo.net
Латвийская Республика
LV-1050 г.Рига
ул. Гоголя, 7-7
т. Латвия +371 277 22 830
т. Беларусь +375 29 573 3929
т. Россия +7 917 510 5171
e-mail: diana@dia-blo.net, gentledi@tut.by